

20 лет со дня смерти

«Искусство начинается там,

К 20-й годовщине со дня смерти выдающегося режиссера и сценариста **Ильи Авербаха**, известного такими картинами, как «Степень риска», «Монолог», «Чужие письма», «Объяснение в любви», «Голос», «Газета» впервые публикует фрагменты переписки Ильи Александровича с его первой женой Эйбой Норкуте.

Илья Авербах — Эйбе Норкуте
Начало 1960-х гг.

Печальная неделя выдалась, ничего не скажешь. Кошмарное убийство Кеннеди, которое еще черт знает что за собой потащит. И все в таком же траурном роде. (...) Холодно в Москве. Изморозь. Снежок по временам. А в комнате жарища, обалдеть. Сценарий ненавижу до последней степени. Ну, правда, прихожу к концу. Прогнозы весьма пессимистические. Кажется, ничего не выйдет. В лучшем случае будет какой-нибудь унижительный и безнадежный договор. Ставить не будут. Сейчас, когда я кончаю шивать его совсем трезвыми руками, мне это ясно. Неужели год пошел псу под хвост? Наверно, нет, я узнал кино, я убедился в своих силах, ну, и... Больше ничего. Ладно.

Я видел замечательные картины опять, и многое окончательно встало на свои места. Мне неинтересен французский кинематограф. В сущности, из всех французских фильмов я по-настоящему люблю только «Атланту», «Правила игры» и «400 ударов». Остальное — от головы, с попыткой формального изыска, и в результате неглубоко, плоско. «Мариенбад» по прошествии нескольких дней оказался анемичным, хотя и забавным экспериментом, красивым, бесспорно, но достаточно элементарным. Это художество нездорового человека, и это — потолок французов. Годар, со своими экзистенциалистскими устремлениями, оказался сопляком по сравнению с Кассаветесом, «Тени» которого я посмотрел на днях. Это такой органичный, умный и обаятельный фильм, с такими ребятами (все не актеры), может быть, не столь глубокий, как хотелось бы, но свидетельствующий о феерическом таланте. И еще один американец — Уэллс. Смотрел «Незнакомец» и «Процесс». «Процесс» грандиозен. В нем те грани ирреального, которые каждый из нас носит в себе. Загнанный человек, которого судят,

В нем те грани ирреального, которые каждый из нас носит в себе. Загнанный человек, которого судят, а ни в чем не обвиняют. Вот — состояние XX века

а ни в чем не обвиняют. Вот — состояние XX века. Состояние вины. К. говорит — меня обвинял отец, меня обвиняли учителя, в чем? И все перенесено на степень бреда, с его логикой неожиданных скрещений, с его ужасом и незащищенностью. Перкинс, этот поразительный артист, доводит до судорог жалости, честное слово, именно до судорог. Даже красивых баб, которых полно в картине (Ж. Моро, Р. Шнайдер

и т.д.), Уэллс снимает как монстров, и когда Р. Шнайдер спрашивает у К.: «У вашей девушки были физические недостатки? А у меня есть», и показывает прозрачные... (письмо обрывается. — «Газета»).

(...) Живу я тихо. Вот уже неделю как веду новую жизнь — рядка там, курение сократил, не пью. А как стает снег, отправлюсь, помолясь, по проталинкам да по ложбинкам к святому Сергию Радонежскому помолиться да очиститься от житейской скверны.

(...) В кино ничего сенсационного не видел. Наиболее интересна, пожалуй, среди всего прочего, была «Травля» шведского режиссера Шёберга (сценарий Бергмана). Мрачный и чистый по стилю фильм о школе. Еще была тут самая длинная в моей жизни картина «Унесенные ветром» Флеминга с Вивьен Ли и Кларком Гейблом. Эта картина принесла самую большую прибыль за всю историю кино.

Идет четыре часа. Вполне крестинский фильм для кретинов. Была еще «Дурная слава» Хичкока с прелестной парой — Ингрид Бергман (более очаровательной женщины я на экране не видел) и Кэри Грантом. «Незначительные люди» с Жаном Габеном и кривоногой, но пленительной Франсуазой Арнуль, какие-то еще довоенные картины. Ах, да! Совсем забыл. Гениальная двухчастевка Романа Поланского «Ssaki» («Млекопитающие»). Абсолютно абсурдный фильм, в котором Ионеско и Мрожек переплелись, можно сказать, в объятьях. Я первый раз аплодировал. Вот и все киноновости.

Атмосфера дурная. Все и вся рубят. Чем это кончится, черт знает.

Пиши мне почаще, моя маленькая. Я тебя люблю. И целую. И.

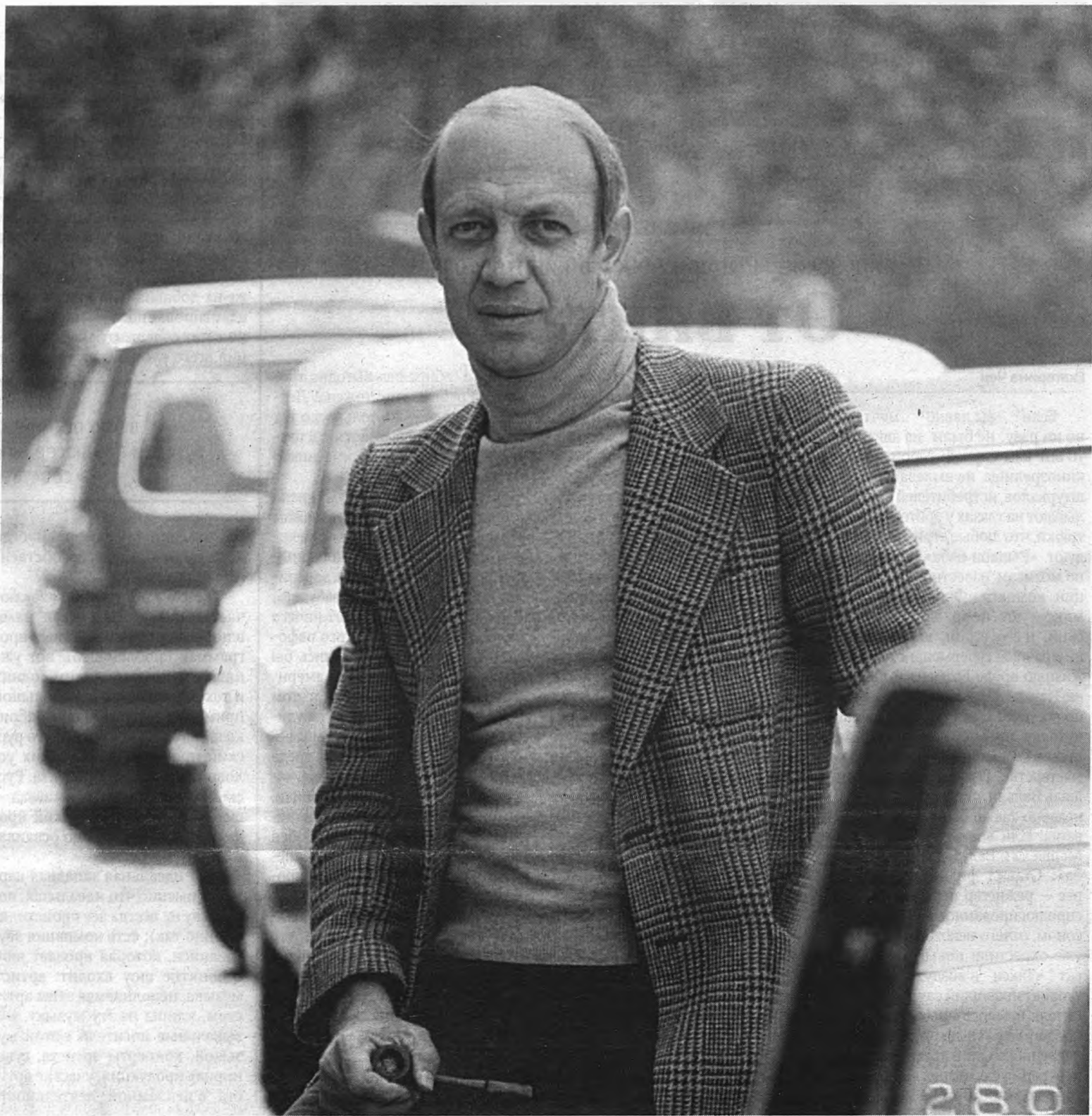
(...) Я с удовольствием пишу «Ночь больших приключений». Может быть, возьму в начале марта командировку в Ленинград под его предлогом. Думаю, что может получиться интересно и производственно.

Живу довольно замкнуто. Раз два только и погулял за последнее

время. Ну, кое-кого навещаю разве что. Вообще, надо сказать, что с людским составом (в смысле интересности) в Ленинграде, увы, неважно. В Москве много интересных и даже поразительных людей, вроде Саши Пятигорского и Комы Иванова. Мудрых, проницательных, гениальных. Этого будет здорово не хватать. Мне единственно всегда очень жаль, что ты не бываешь со мной среди них, — тебе, так же как и мне, необходимо подобное общение. (...)

Живу я тихо и смутно, кроме двух или трех бешеных пьянок с похмельем, рвотой и прочими гадостями. После одной из них, у Алеши Габриловича, я сел рано утром в троллейбус почему-то и уснул там, уже сморенный похмельем. Проснулся, как будто меня кто-то толкнул или позвонил над ухом. Смотрю в окно, что за чудо — белый снег везде, белые древние стены с бойницами, налево собор, а направо — церковь не позже как XV века. Крутая, вся прибранная и жестко собранная из изгибов башен. Я вышел. Оказалось, это Андрониковский монастырь, такой красивый, что не описать. Стены низкие, в просветах, белые, как будто са-

харные, над ними всюду черные ветви. А внутри музей Рублева. Конечно, подлинного Рублева там нет, только копии, правда, довольно приличные. Но несколько хороших нерублевских икон. Уже пышные, расписные, с неметчиной такой. С деяниями святых, но не аскетических святых Рублева или Грека, а мягких, сытых, добреньких. Я ходил там полдня, очень хорошо — низкие горницы, кельи. И доска, что тут, видимо, покоится прах Андрея Рублева. Даже копия «Троицы» там как удар грома. Вот, понимаешь, высший критерий, потому что можно делать как угодно и что угодно, но пока вещь не дышит, она нуль. Пастернак сказал абсолютно: «И тут кончается искусство и дышат почва и судьба». Конечно же, искусство начинается там, где оно кончается. Это очень просто и с ума сойти как сложно. И это я понял и моментально распространил на все, что у меня есть. Ты подумай только. А потом мне попался самый ажиотажный сейчас в Москве сценарий Тарковского и Кончаловского о Рублеве. И все оказалось искусственно, хотя и талантливо бесспорно. А либералы сходят с ума, ах, как гениально, ах, боже мой.

Илья Авербах

Ильи Авербаха

Где оно кончается»

Ты просишь написать о душе. А что такое душа? И т.д. Ну, ладно, будем серьезнее. В самом деле — светские, как ты говоришь, новости неразрывны и с душой тоже.

Вот, например, светская новость: в течение четырех часов я смотрел Бергмана. Сначала «Земляничную поляну». В третий раз. Потом... Но подожди. Ты знаешь, что «Поляна» сначала была для меня просто великолепной картиной, потом — нет, второй раз она показалась мне элементарной, в чем-то дидактичной. В третий раз я плакал. Когда зажгли свет, я сидел с опущенными глазами, чтобы этого не увидели. Я плакал о своей поляне, о твоей — тоже, и вообще — обо всех полянах, где только еще начинались злые вещи. Вероятно, я не сумею объяснить тебе, что происходит. Но, понимая, сюда относится самое главное в искусстве — и Роман Поланский с фильмом «Ssaki», и Ионеско, и Достоевский, — если жизнь уже сложилась, а мы знаем о ней только наиболее доступные вещи, то нужно закрыть глаза на все и искать свою поляну, потому что с нее (есть крохотный шанс) ты поймешь нелепость предложенных для построения жизни аксиом и, может быть, сумеешь сломать их и найти новое. Если объяснять мир по Эвклиду, то мир получится, и с виду это будет такой же истинный мир, как всякий другой. Но если уверовать в то, что параллельные прямые пересекаются, то у тебя будет вовсе другой мир — истинный или неистинный, это нам знать не дано. Толстой исходит из своего мудрого и всеильного бога. Достоевский, веря первона-

со шрамом» с Полем Муни. Это легенда об Аль Капоне. В течение фильма — 900 убийств. Его герой — человек, давно преступивший седьмую заповедь и изрыгающий пулеметный огонь каждой кисточкой своего тела. Очень чистая и точная пластика. Дивный актер. Картину никто не понимает. Это лубок, где смерть так же естественна, как жизнь. И вот, когда он испепелил всех и вся, в голове его поворачивается винтик. Но тут его самого убивают. А мне надо знать другое: отчего винтик повернулся в первый раз — в сторону смерти. Я не знаю этого пока, но узнаю — вот тебе крест. К сожалению, я не гений. Я ленив, я вяло мыслю. Но это ничего не значит.

И вот — «Девичий источник». Бергману было около сорока, когда он поставил «Поляну», ему было чуть за сорок во время «Источника». Но гениальность этого человека не зависит от таких пустяков. В «Источнике» уже нет никаких привходящих вещей. Есть Рождение, Смерть, Страсть, Бог. Человек разговаривает с Богом, разговаривает на равных, спорит и сомневается, и Бог пытается убедить его чудом. Но чудо — только крайняя точка прозрения, один из миллионов возможных вариантов. Я очень путано пытаюсь объяснить тебе многое из того, что я понял. Но вот это точно — нужно набрать огромную высоту, чтобы объяснить и изменить мир. Ту высоту, которой достигает Шекспир, или Данте, или Бергман в «Источнике». Нужно иметь очень крепкие крылья. Но оттуда видно — это точно. Там все иначе, все человеческое — в чистом виде. Ну ладно. Прости

го не знаете». Потом разговор шел о «врагах». Прокоп сказал, что наши враги — фашисты, на что Ст., удивляясь, спросил, где мы их видим. «А в Америке — ба, чисты!» — «Да, — ответил Ст. — Это 20 тысяч сумасшедших баб, не представляющих никакой опасности для Америки». «Знаете ли вы, — спросил Ст., — что между Западным и Восточным Берлином существует стена?» — «Я не был там, не знаю, но вот Катя была там. Катя, есть там стена?» — «Есть какой-то заборчик...» Тут вступился Олби: «Не заборчик, а стена. Я был там и видел, как расстреливали людей, желающих пойти навстречу своим родственникам». Опять Ст.: «Как вы относитесь к Ульбрихту?» Прокоп: «Товарищ Ульбрихт...» «Я спрашиваю вас, как вы относитесь к предателю Ульбрихту?» — «Мы не позволим, мы не позволим!..» — «Почему же? Ведь он в самые трудные моменты для немцев отсиживался у вас, а потом приехал на все готовое». Тут шум поднялся невообразимый. «И вообще, добавил Ст., — я считаю, что главные наши враги — это китайцы». — «Нет, нет! Мы всегда дружили с китайским народом, и эти временные неполадки тоже минуют и т.д.»

Так вот весь вечер — вечер на заборах, при милиции и перодетых официантках. Они это заметили и чувствовали всю натянутость и неловкость. Ст. сказал, что эти вопросы он поставит перед Хрущевым, пожаловался, что за все путешествие он только то и видел, что бутылки.

Вот такие дела, милый.

Э.

Был суд (суд над Иосифом Бродским в 1964 году. — «Газета»). Никого туда не пустили. Никто из знакомых не попал. Как ни забавно — попала Марина Годлевская, она все и рассказала. Герой наш был, как всегда, мил, в страшно грязной рубашке. Живет в одиночке, без полотенца. Передач не получает. Охраняют строже, чем Исакию или какого-то там бандита. Господи, как все нелепо! Осатанели они, что ли? Суд был короток. Свидетелей не слушали. Адвокат познакомился с ним за пятнадцать минут до приезда. «Гражданин Н., каждый человек, рождаясь, выбирает свою профессию. Какую вы выбрали?» — «Я не выбирал. Думаю, поэт, писатель». — «Интересно, где это вы учились, чтоб быть писателем?» — «А этому нельзя научиться. Это дается свыше». Все это настоящие разговоры. Если б рассказывал кто-нибудь другой — не верила бы. Сейчас он посылается на судебно-медицинскую экспертизу. Если окажется больным — будет свободным, будет писать. Нет — в трудовые лагеря.

Народу собралось свыше сотни. Милицейские. Очень много пожилых — из союза. Когда вели — все с ним здоровались. Когда выводили — машину подкатили вплотную к лестнице. Усадили с тремя бритоголовыми убийцами.

Я не была там. В тот день не могла встать. Весь день шла кровь. Хорошо, что мне рассказал чужой человек. Я все поняла и увидела. А два дня до суда ему

было худо с сердцем, вызывали «скорую». (...)

Меня совершенно убивает нелепость всей этой истории. Все обвинения отпали. Только одно осталось — нет штампа в паспорте. Договора их не удовлетворяют. И главное — обращение как с жутким преступником.

Прости за тяжелое письмо. Сегодня это меня особенно угнетает. Думаю не о поэте, о человеке. Напиши мне, дорогой. Плохо, что ты так мало пишешь.

Э.

Я очень путано пытаюсь объяснить тебе многое из того, что я понял. Но вот это точно — нужно набрать огромную высоту, чтобы объяснить и изменить мир

Спасибо тебе за письмо, Илюша. Я давно ничего от тебя не получила и поэтому нервничала. Может быть, больше, чем надо. Но тут уж ничего не поделаешь. Как всегда, и понимаю, и не понимаю, и что-то остановить нельзя. Просто очень по тебе соскучилась. Так, что дальше просто уже некуда. Хорошо, что ты скоро приезжаешь.

Все же я не зря разнервничалась из-за твоего здоровья, хотя сразу ты мне и не сказал всего. Та-та обещала показать тебя врачу, почему ты до сих пор ничего не сделал, Илюша? Что бы там ни оказалось страшного, ничего не будет, только ты будешь знать, как себя вести. Может быть, поймешь, что проспиртовывать желудок, хотя бы ближайшее время, не так уж и необходимо. А приедешь домой, будем есть траву, пить молоко и соки, и все войдет в норму. Эти вещи после двух лет твоей холостой жизни в Москве вполне естественны, и я думаю дома тебя очень быстро привести в норму.

Не нервничаешь ли ты? Мне иногда кажется, что ты живешь сейчас в каком-то трансе, не вполне осознавая, что происходит с тобой. Так, как бывает на большом и людном вокзале перед отъездом в другой город. Так?

(...)

Видела я «Гамлета» (фильм Григория Козинцева. — «Газета»), мой милый. Говорить о нем не хочется. Тебе нетрудно представить, что это такое. Это — «Робин Гуд», «Башня смерти» — словом, очередной фильм, в котором потеряно чувство ритма. Я не злилась, не смеялась. Была равнодушной, если не считать минут, когда во мне поднималось чувство безразличия. Очень неталантливый фильм. Смоктуновский забит всем, чем только можно забить человека в кино. Коза даже не разрешает ему говорить. Большую часть монологов он произносит «в мыслях». И тут главная ошибка, отсутствие чутья актера. Каким бы современным ни казалось актерство Кеши, оно отнюдь не интеллектуальное. Он актер интуиции. Говорит не думая, а сказав, зажигается сам от своих слов. Поэтому говорит прекрасно. Слушать его просто удовольствие. Было чудное мышкинское место — сцена с флейтой. Даже стало как-то не по себе. Вот и все, что можно сказать про него. Выглядит довольно стильно. Ходит тоже мило, своеобразно. Но стиль этот — не шекспировский. Это —

Сара Бернар в «Лорензаччо» Мюссе. Честное слово. Один его костюм просто в точности копирует ее.

А насчет твоей подружки Вертинской у меня очень смешанные чувства. То, что нужно было Козинцеву, она сделала, и сделала отлично. Только это больше никому не нужно. Мне очень понравилось ее лицо. Это по-настоящему красивое лицо, одно из тех, которое меняется, может казаться некрасивым и еще более прелестным. Но что меня совершенно убило,

разочаровало и заставило ее пожалеть, так это — голос, говор. Эдакий правдивый московский говор, которым говорится только то, что говорится, и ничего больше. Голос, который приводит к мысли о том, что у нее в голове впечатления внешнего мира складываются фразами без придаточных предложений. Это потрясает зрелище — внешность из Меттерлинка, а голос Регины, служанки из «Привидений» Ибсена. Но не в том даже беда. Неприятно, что кажется, что эта милая девушка совершенно чужда духовной жизни, не читала никогда стихов и не думала о чем-то непонятном. Вполне возможно, что я ошиблась в своих предположениях на все 100%, но впечатление такое. А об остальном и говорить не хочется.

Все, дорогой. Не мотай и жалей себя. Вспоминай о своем здоровье и иногда обо мне. Жду тебя очень, люблю тоже. Не забывай, что в итоге все будет отлично. В этом я не сомневаюсь ни одну минуту. Целую тебя крепко.

Э.

Не сердись, что я тебе ничего не ответила на предложение сделать интервью. У меня нет никаких возможностей для этого. Для начала — хотя бы порядочного костюма. Ты ведь тоже не пошел прохиндеем к ним, не так ли? Вообще, я не очень представляю, как можно подступиться к Смоктунову, тем более бабе. Если ты уже делаешь это, то запомни, что всякий актер — это прежде всего человек одной темы. Найди ее у каждого и проследи, как она варьируется. Часто они сами не знают, в чем она, но это может быть и желание кого-то и желание показать отношение. Ищи этой главной среди ролей. Всякий актер, хороший, разумеется, это только одна роль. Смоктунов — «Идиот», Цыбульский — «Пепел» и т.д. Вот и нужно искать в них того. А то, что они играют другое, только делает честь им.

Целую, любимый.

Э.

Не сердись, прошу тебя. Мне будет очень тяжело.

Редакция «Газеты» благодарит за предоставленные материалы киноведа, культуролога, ведущего научного сотрудника Государственного института искусствознания, профессора РГГУ Нею Марковну Зоркую и старшего научного сотрудника Института истории искусств Алексея Лопатина (Санкт-Петербург).

Если объяснять мир по Эвклиду, то мир получится, и с виду это будет такой же истинный мир, как всякий другой. Но если уверовать в то, что параллельные прямые пересекаются, то у тебя будет вовсе другой мир — истинный или неистинный, это нам знать не дано

чально в этого бога, создает чисто индуктивным путем бога другого — антибога с точки зрения Толстого. Точно так же строятся два мира. А может быть, три, четыре, сколько хочешь. Фрейдисты считают, что истинность мира открывается в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Но она пожирает сама себя, потому что истина эта в смертности. При жизни бывает иначе. Люди летят в пропасть. Мир ослеплен собственной жестокостью, идиотичностью и нелепостью происходящего. Но ведь есть же причины. В чем они? В чем начало, исток одиночества, насилия, неверия или фанатической веры, что одинаково страшно? В ошибочности аксиом, из которых мы исходим. Нужно найти новые аксиомы, очевидные и точные. И строить новый мир. Понимаешь, в последнее время я вдруг необычайно остро понял, что никто мне ничего не объясняет. Мне стало скучно читать, смотреть фильмы, разговаривать с людьми. Только я сам могу проникнуть в это. Больше никто мне не поможет. Все остальное — построение на известных мне основах.

Неделя была в этом отношении показательной. Я смотрел прекрасный фильм Хоукса «Лицо

за путаность. Я очень нервен и все такое. Руки дрожат. Пытаюсь чего-то писать. Может, что-то получается. Мы поговорим еще, при встрече.

Эйба Норкуте — Илье Авербаха
1963—64 гг.

Илюша, пока еще не забыла — решила написать тебе о Стейнбеке. Была встреча с ним в Доме писателей. Руководил ею Прокофьев. (...) При входе Стейнбеку было сказано, что этот бывший дворец был подарен правительством писателям. «Это и есть плоды вашей революции?» — спросил Ст. Дальше разговор продолжался в том же духе. Ст. говорил: «Я не понимаю, как вы могли разрешить правительству вмешиваться в ваши дела. Мы бы тут же свергли бы такое правительство». Прокоп сразу стал кричать: «Мы не позволим и давайте не будем». Потом добавил, что зато в Америке линчуют негров. «Да, — ответил Ст. — У нас, к сожалению, имеются еще такие печальные вещи». — «У вас разрушили негритянскую церковь?» — «Да, что ее разрушили, вы знаете, а что вся Америка 4 дня служила по ней молебны, вы это-